

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ (статья вторая)

Михаил Членов

Еврейские языки

Социолингвистическая иудаика, понятно, не исчерпывается только ивритом, будь то в функции метаязыка цивилизации (МЯЦ) или этнического вербального языка. В первой части этой статьи («Диаспоры», № 3, 2002) мы упомянули о таком своеобразном явлении, как «еврейские языки». На них евреи повсеместно общались друг с другом на протяжении многовековой жизни в диаспоре. Под этим термином в «еврейской интерлингвистике», особом разделе социолингвистики, посвященном языковому поведению евреев, понимают вербальные коммуникативные языки, бытовавшие среди разных этнических групп (*эдот*) внутри еврейской цивилизации. Понятно, что когда древнееврейский язык перестал обслуживать внутриэтническую устную коммуникацию, что-то должно было заполнить образовавшуюся лауну. Так стали появляться еврейские языки, часть которых существует до сих пор. Все эти языки, подчеркнем еще раз, находились всегда в состоянии диглоссии с древнееврейским языком, *лашон-акодеш*, который выполнял функции метаязыка еврейской цивилизации. Данное обстоятельство определило, в частности, глубокое влияние древнееврейского практически на все еврейские языки. Парадоксальным образом сам он, как и современный израильский иврит, являясь языками евреев, не могут быть отнесены к категории «еврейских языков», т. к. не являются языками каких-либо отдельных еврейских этнических групп и не вступают в обязательные диглосные отношения с метаязыком цивилизации.

Но особенность еврейских языков не только в этом. Хотя они принадлежат к самым разным языковым семьям, у всех есть немало общих черт, которые позволяют рассматривать их

Членов Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, декан филологического факультета Государственной классической академии им. Маймонида (г. Москва).

в качестве своеобразного типологического единства, сближающегося в чем-то с пиджин-креольскими языками¹. Среди многих таких особенностей отметим присущий и тем, и другим языковым феноменам макаронический характер. Выдающийся исследователь еврейских языков М. Вайнрайх обозначил их как «языки-сплавы» (*fusion languages*), подчеркивая тем самым их как бы искусственную структуру, образованную, на первый взгляд, путем механического слияния разнородных языковых элементов².

Еврейские языки, как и пиджин-креольские, легко инкорпорируют любые заимствования во всех своих пластах, причем отличаются от родственных им нееврейских языков смешением с языками, которые не являются ни котерриториальными, ни генетически родственными. Соответственно, попадая в иное лингвистическое окружение, что случалось нередко, учитывая историческую подвижность еврейских популяций, еврейский язык оказывался открытым для дальнейшего впитывания очередных иноязычных элементов. В качестве примера можно привести самый известный из рассматриваемой группы, идиш, который, возникнув в Германии на немецкой языковой базе с романским субстратом и семитским адстратом в виде лашон-акодеш, вобрал в себя второй адстрат, славянский, а впоследствии, уже на американском континенте, дополнил его английским и испанским. В Израиле в хасидской среде формируется своего рода израильский идиш, где роль адстрата играет уже современный иврит, так что в языке одновременно присутствует и субстрат лашон-акодеш, и адстрат израильского иврита.

Вообще еврейские языки, подобно пиджин-креольским, следует рассматривать как подвиды «контактных языков», которые образуются не путем постепенной языковой эволюции и дивергенции изначально единых предковых форм, а в процессе контакта между лингвистически разнородными популяциями. Известно, что контактные языки на протяжении большей части своей истории были низкопрестижными и обладали ярко выраженным пейоративным статусом. Достаточно вспомнить общее негативное отношение к креолизированным пиджинам, например, в Океании, где они на протяжении XX в. стали стремительно распространяться, приобретая черты лингва-франка. Учреждения ООН, следившие за ходом управления на неподопечных территориях, еще в 1950-х гг. потребовали

от Австралии, осуществлявшей опеку над восточной частью Новой Гвинеи, пресечь распространение языка *ток-писин* (сегодня это основной государственный язык Папуа — Новой Гвинеи) и закрыть школы, где на нем велось преподавание. Чиновниками двигала уверенность в том, что это — не самостоятельный язык, а искаженный английский, своего рода карикатура на литературный язык страны-опекуна³.

Подобно этому и еврейские языки на протяжении большей части своей истории обладали низким социальным статусом. Евреи эпохи еврейской цивилизации в языковом отношении сохраняли верность и уважение к лашон-акодеш. Он и только он считался языком в полном смысле слова. Все остальные языки евреи меняли легко, как змея меняет кожу. Еврейские языки обладали чрезвычайно низким, даже пейоративным статусом и рассматривались самими носителями как жаргоны. Характерно, что идиш официально именовался по-русски «жаргоном» вплоть до революции 1917 г. Причем наименование это бытовало в самой еврейской среде, а вовсе не во враждебной еврейству литературе. Например, журнал «Еврейский мир», издававшийся в России в начале XX в., имел рубрику «Новости жаргонной литературы»⁴. В быту наименование идиша жаргоном сохранялось в среде русского еврейства вплоть до послевоенного времени.

Пейоративный статус еврейских языков естественным образом проистекал из функциональных особенностей иврита как МЯЦ. Напомним, что в определенный период развития цивилизации МЯЦ обслуживает всю сферу письменной культуры, включая литературу, образование, религию, документацию. За еврейскими языками оставалась лишь устная коммуникация, так что, казалось, они были обречены оставаться бесписьменными. Была, однако, одна сфера, в которую иврит не проникал — жизнь женщин и детей. Именно с нее и начиналось развитие этих языков как письменных. Хотя некоторые из них так и остались на дописьменном уровне, большинство со временем все же выработали письменные нормы. Начинались они чаще всего со специальных образовательных сочинений, предназначенных для женского чтения.

Еврейская религиозная традиция не предусматривала необходимость обучать девочек языку святости. На женщин не распространялся долг исполнения 613 заповедей-мицвот, на которых основывалось все течение жизни еврейских мужчин.

Миссией средневековой еврейки был дом, поддержание его в кошерном виде, так, чтобы обеспечить мужу выполнение его религиозных функций; рождение и воспитание детей. В то время, как школа была обязательной для мальчиков, какую-то систему образования для девочек в средневековье мы встречаем очень редко. Скорее, известны имена незаурядных талантливых женщин, которые сами осваивали премудрости еврейской религиозной науки, несмотря на препятствия, чинившиеся им на этом пути. Для большинства же женщин именно еврейский язык был их единственным доменом, средством познания нелегкого мира, в котором им приходилось жить. Не случайно поэтому наиболее развитые еврейские языки почти всегда имеют женский облик.

Женщины, не знавшие иврита, молились на еврейских языках. Возник целый пласт женских молитв, получивших на идише название *тхинес*. Одна из первых книг такого рода называлась «*Ценерене*», что в переводе с иврита означает «Идите и узрите», причем оба глагола стоят в повелительной форме 2 лица множественного числа женского рода, т. е. обращены к женщинам. Эта книга представляет собой дайджест основных библейских и талмудических нарративных повествований, предназначенных для женщин, которые не могли прочесть их на иврите. «Ценерене» была неременной спутницей многих поколений еврейских женщин, и популярность этой книги, созданной в конце XVI в., сохранилась в ортодоксальной еврейской среде до сих пор.

В XVI в. появился и перевод знаменитых рассказов о Бове-королевиче, известных на идише как «*Бове майсес*», т. е. «сказки про Бову». Народное сознание быстро изменило название на *бобе-майсес*, т. е. «бабушкины сказки». В свою очередь, данное словосочетание превратилось в поговорку, а сюжеты из книги обогатили устный ашкеназский фольклор. Излишне говорить, что основными потребителями этой и подобной книжной продукции были женщины и дети. В XVIII в., с внедрением идиша в книгопечатание, появился даже специальный термин *вайбертайч*, т. е. «женский немецкий», требовавший введения особых шрифтов и дизайна для издания предназначенных для женщин сочинений⁵. Однако не следует полагать, что мужчины не читали эту литературу. На самом деле, владение ивритом у большинства евреев было довольно ограниченным. Чаще всего они знали какой-то необходимый

набор молитв и должны были уметь читать отрывки из Пятикнижия. В совершенстве лашон-акодеш, конечно же, знали немногие. Но все же иврит оставался преимущественно мужским языком, языком общения с Богом, языком любого серьезного дела. Трудно себе представить, как на этом языке просят, например, вынести ведро с мусором. Для подобных целей существовал еврейский язык.

М. Вайнрайх стал первым, кто сформулировал основополагающее социолингвистическое правило функционирования еврейских языков. Оно сводилось к утверждению неразрывной связи между этими языками и существованием традиционной еврейской общины в диаспоре, ее социальной структурой и средневековой кумулятивной формой еврейского самосознания, которую он обозначил ивритским выражением *дерех-ашас*, что означает «путь Талмуда»⁶. В своих работах я предложил обозначать этот специфический тип еврейской идентификации аббревиатурой ДАШ⁷. М. Вайнрайх совершенно справедливо утверждал, что без общинной обособленности не может существовать отдельный язык. Действительно, вплоть до эпохи Просвещения конца XVIII в., получившей в еврейской историографии название *гаскала*, евреи повсеместно жили территориально обособленно от христианского или мусульманского окружения. Хотя сегодня в глазах либеральной историографии и общественного мнения эта обособленность выглядит одним из ярких примеров нарушения гражданских прав евреев, загнанных в гетто, на самом деле в те времена она представлялась многим одной из привилегий, дарованных евреям и позволявших им поддерживать непрерывность своей культуры, религии и социальной организации.

М. Вайнрайх специально подчеркивает, что речь шла не о тотальной сегрегации, а именно об обособленности, и в качестве примера цитирует слова ашкеназского раввина XII в. Элиэзера бен Йоэля Галеви: «Мы живем среди неевреев, слуги и служанки, как и просто нееврейские мужчины постоянно приходят в наши дома»⁸. Это обстоятельство очень важно для понимания природы еврейских языков. В эпоху цивилизации никто из евреев не пользовался ивритом как живым языком. Все евреи, благодаря тому, что к ним «постоянно приходили» их христианские или мусульманские соседи, владели языками тех стран, в которых они пребывали. Но внутри своего обособленного жилища они никогда не говорили на этих языках.

У них возникали свои, часто родственные языку соседей формы речи, которые отражали их нехристианскую и немусульманскую жизнь — «путь Талмуда». Поэтому можно утверждать, что классические еврейские языки существуют как самостоятельные до тех пор, пока существуют общины типа ДАШ, обеспечивающие отделенность, в том числе и лингвистическую, от окружающей среды.

Другой особенностью еврейских языков можно считать наличие в них двух разных стилистических регистров: чисто вербального и регистра переводов священных текстов с лашон-акодеш. В этой последней форме еврейский язык обнаруживает некоторые свойства, присущие МЯЦ — в частности, он выступает в форме искусственного языкового образования, подобно МЯЦ, не существующего в естественном языковом узусе. Примером могут служить, в частности, языки переводов библейских текстов на еврейские языки. Традиционные переводчики не стремились, как современные, воспитанные в позитивистской традиции, просто передать средствами другого языка величие и поэтику гениального творения древности. Они подходили к тексту как к сакральной последовательности знаков, каждый из которых несет, кроме поверхностного (*нишам*), еще и некий скрытый смысл (*сод*). Для того, чтобы сохранить хотя бы намек на него (*ремез*), необходимо крайне бережно относиться к оригиналу и пытаться, строго говоря, не переводить его, а калькировать. Смысл такого перевода заключался в том, чтобы сохранить для изучающего Тору, но не знающего лашон-акодеш, те элементы текста, которые позволяли экзегетам творить его герменевтическое толкование.

Подобная целенаправленность предполагала ряд серьезных стилистических и жанровых языковых особенностей. В частности, в этом регистре еврейские языки были практически лишены гебраизмов, изобиловавших в вербальном регистре. Причина заключалась в том, что переводчик ставил целью именно перевести понятие, выраженное на лашон-акодеш, на другой язык, подобно тому как великий средневековый экзегет Раши истолковывал неясные места Торы посредством еврейско-французских слов, которые он называл *лааз*, т. е. «чужой». Использование гебраизма для такой цели не достигнет цели, уже не будет переводом. Так что с лексической точки зрения переводной регистр стоит намного ближе к нееврейскому ближайшему родственнику данного еврейского языка. Но вместе

с тем переводчик, стремясь к дословному переводу и даже, как говорилось выше, калькированию, пытался сохранить везде, где можно, и синтаксис, и стилистику оригинала, включая и ивритские архаизмы. А это уже вступало в противоречие с природой самого еврейского языка и его нееврейского аналога.

Вот как характеризует один из таких «переводческих языков», еврейско-персидский, его исследователь: «Переводы священных текстов, наоборот, стремятся к большему подражанию классическому фарси и освобождению от диалектизмов. Для них, в том числе и созданных в бухарской общине, характерен искусственный язык, в котором осуществлен дословный перевод ивритских слов, в котором вульгаризмы свободно сочетаются с архаизмами, что придает им облик языка, не существующего в природе»⁹.

Другим хорошим примером своеобразного стиля переводной литературы может служить перевод Танаха (т. е. еврейской Библии) на русский язык, осуществленный обществом «Мосад Арав Кук»¹⁰. Он выполнен в традиции классических переложений на переводной регистр идиша, так называемый *ивре-тайч*, т. е. еврейско-немецкий, но в совершенно иную эпоху (середина 1970-х), когда еврейская цивилизация в диаспоре в ее старом средневековом облике почти исчезла, во всяком случае, в русскоязычной среде. Сейчас почти нет еврейского читателя, который испытывал бы потребность в подобной стилистике. Оторванный от традиции советский еврей воспринимает лишь переводы Библии на литературный русский язык, а немногочисленная, хотя и растущая сейчас прослойка религиозных иудаистов, как правило, знает лашон-акодеш и не нуждается в подобных текстах. Поэтому такой перевод, пусть он и остается на сегодняшний день единственной русской версией Торы, выполненной в рамках иудаистской религиозной концепции, вызывает ощущение комичности, умело спародированной несколько лет тому назад в «Беседере» — известном сатирическом еженедельнике на русском языке, издающемся в Израиле.

* * *

Еврейских языков в истории было не так мало, около двух десятков. Наиболее ранние из них, видимо, еврейско-арамейский и еврейско-греческий. Первый сложился в Двуречье в

середине I тыс. до н. э. среди евреев, переселенных вавилонским царем Навуходоносором из Иудеи в Месопотамию. Эта печальная страница в истории древнего Израиля известна под названием «вавилонского пленения» и рассматривается еврейской традицией в качестве одного из центральных событий в процессе сложения еврейской самобытности. Смысл его заключается в сохранении верности родной земле, земле Израиля, и в решимости вопреки всему вернуться туда. Именно в Вавилоне, «на реках Вавилонских», родился знаменитый псалом: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука».

Часть изгнанников смогла вернуться в Иерусалим в первые десятилетия существования империи Ахеменидов, но большая часть осталась жить на новых местах, образовав тем самым первую общину еврейской диаспоры. Арамейский язык, бывший основным в то время в Двуречье, быстро проник в еврейскую среду, так что даже те, кто вернулся в Сион, принесли туда с собой новый язык. Этот *арамит*, бывший и ранее *lingua franca* всего Ближнего Востока, начал вытеснять из Иудеи древнееврейский, который, с одной стороны, выполнял функции культового языка, на нем читалась Тора и велось храмовое служение, а с другой стороны, продолжал бытовать в крестьянской среде. В этой последней форме он, несомненно, терял престижность, свойственную зарождавшемуся МЯЦ. Но если в Иудее арамейский соседствовал с древнееврейским, то в вавилонской диаспоре он очень скоро становится единственным языком, на котором евреи реально говорили между собой. Иврит там сохранялся исключительно в качестве культового языка и, видимо, именно в Двуречье во второй половине I тыс. до н. э. он и превратился впервые в МЯЦ. Достаточно скоро арамейский приобретает специфическую еврейскую форму, так что становится возможным, применительно к концу I тыс. до н. э., говорить о сложении особого еврейско-арамейского языка, которому суждено было сыграть огромную роль в еврейской цивилизации и, как я писал выше, стать одним из компонентов лашон-акодеш¹¹.

Уже на грани старой и новой эры арамейский распадается на две диалектные разновидности, дошедшие до нас, в частности, в виде языков Иерусалимского и Вавилонского Талмудов. На еврейско-арамейском был создан не только этот величайший памятник еврейской мысли, но и написаны многие клас-

сические произведения раввинской учености. В какой-то момент он практически слился с родственным ему древнееврейским, образовав таким образом мертвый метаязык лашон-акодеш. Не следует забывать, что наряду с еврейско-арамейским вплоть до конца I тыс. н. э. существовали его многочисленные варианты, бытовавшие в нееврейской среде. Особенно знаменит так называемый сирийский, или христианско-арамейский, ставший основным языком восточного монофиситского и несторианского христианства.

Вплоть до VII–VIII вв. н. э. арамейский остается основным языком для практически всего населения на территории от Средиземного моря до Иранского нагорья. Арабские завоевания данного региона приводят к его неуклонному вытеснению арабским языком. К XX в. арамейский в форме так называемого новоарамейского, или ассирийского языка сохраняется только в глухих районах Курдистанского нагорья среди населения, укрывшегося там от наступавшей исламизации. Кроме ассирийцев, это были также представители этнической группы курдистанских евреев, или лахлухов. Их еврейско-новоарамейский язык, разбившийся на множество диалектов, называют *таргум* (от ивритского *таргум* — «перевод», т. е. язык канонического перевода Торы на арамейский), или *лисана-дидан* — «наш язык». До 1950-х гг. курдистанские евреи жили в Курдистанском нагорье, а теперь почти все переселились в Израиль. Очень немногочисленные их группы до сих пор сохранились в Грузии, Казахстане, Турции и Иране¹².

Греческий язык пришел в еврейскую среду с эпохой эллинизма в IV–III вв. до н. э. Он стал языком второй после вавилонской крупной диаспорной общины евреев, египетской. Как известно, именно в Александрии в последние века до н. э. был осуществлен перевод Торы на греческий, так называемая Септуагинта, которая стала основой христианского канонического текста Ветхого Завета¹³. Еврейско-греческий язык, именуемый также *яванит* от еврейского названия Греции «Яван», на грани эр превратился в разговорный язык еврейского населения Римской империи за пределами Иудеи.

Еврейские колонии в последние века до н. э. и первые века н. э. существовали во всей зоне Восточного Средиземноморья, включая и Причерноморье вплоть до устья Дона. Были они и в самой Италии, в Галлии, Германии и, конечно, в Северной Африке. Еврейско-греческий сложился как еврейский

язык, очевидно, в Византии, где существовала еврейская эда, называвшая себя *романиотами*¹⁴. В XVI в. в Османскую империю, образовавшуюся на месте завоеванной турками Византии, переселились сефарды, еврейские изгнанники из Испании. Начался долгий процесс ассимиляции романиотов сефардами и вытеснения яванита еврейско-испанским языком. Яванит дожил до совсем недавнего времени. К началу второй мировой войны он еще был распространен в Северо-Западной Греции и в Албании. Сегодня он практически исчез, хотя, возможно, где-то доживают свой век несколько престарелых носителей. Следует отметить также сохранившийся до сих пор, но очень слабо изученный греческий этнолект небольшой караимской общины Стамбула, насчитывающей не более 100 человек.

По мере расселения по миру еврейской диаспоры множилось и количество еврейских языков. В Испании стал складываться еврейско-испанский язык, который окончательно обособился от испанского после изгнания евреев с Пиренейского полуострова в конце XV в. Этот язык, называемый *ладино*, или *джудезмо* (соответственно, от слов «латинский» и «еврейский»), язык этнической общности сефардов, был широко распространен в период между XVI и XX вв. на Балканском полуострове и в Восточном Средиземноморье, а также в Северо-Западной Африке. Возникла богатая литература на нем, и в какой-то период он, как и идиш, стал превращаться в национальный язык складывавшейся общности балканских сефардов. Центром его развития была еврейская община г. Салоники в Северной Греции.

Развитие джудезмо прервалось Холокостом во время второй мировой войны. Подобно другим еврейским языкам, он доживает сегодня свои последние дни. На нем практически не осталось одноязычных носителей; небольшое количество хотя бы говорящих на нем сохранилось в Израиле, где ладино вытесняется ивритом; в балканских странах, где он ассимилируется местными языками, такими как греческий, болгарский, сербский, македонский, турецкий, и отчасти в США, где его носители переходят на английский.

В средние века существовал еврейско-французский язык, *западный лозз*, т. е. «иностраный», исчезнувший после изгнания евреев из Франции в XIV в. Романскими были также *южный лозз*, или еврейско-итальянский, доживший до XX в. и сейчас стремительно исчезающий, и еврейско-провансаль-

ский *шуадит*, просуществовавший до начала XIX в. в Южной Франции¹⁵.

В X—XVII вв. в Киевской Руси и Чехии бытовал еврейско-славянский язык, который сами носители называли *кенаанит*, т. е. «ханаанский». Такое странное название объяснялось тем, что на славянские страны было перенесено библейское название Ханаан, подобно тому, как библейскими понятиями Сефарад и Ашкеназ евреи стали именовать Испанию и Германию. От еврейско-древнерусского языка практически не осталось никаких памятников, но он достаточно уверенно реконструируется по косвенным свидетельствам и таким источникам, как еврейская антропонимика Восточной Европы. Сложившись где-то в начале истекшего тысячелетия, он просуществовал, видимо, до начала XVII в. в Белоруссии. Следы его можно обнаружить в респонсах могилевского раввина¹⁶. В XVII в. он, насколько можно понять, окончательно исчез, а носители его растворились в ашкеназской среде. Аналогичная судьба, но раньше, очевидно, в XII—XIII вв., постигла и еврейско-чешский язык, оставивший после себя многочисленные глоссы.

Еврейские языки были известны и на Востоке. Наиболее распространенным считается еврейско-арабский язык, от средневековой формы которого остались разнообразные письменные памятники. Практически все еврейские прозаические произведения, созданные в средневековой Испании, писались на еврейско-арабском языке, но еврейской письменностью. В период между X и XX вв. на разных диалектах арабского говорили многочисленные еврейские этнические группы от Испании до Ирака. До последнего времени он сохранялся в Северной Африке, где назывался *жудео-араб*; в Йемене и в Ираке.

Сегодня почти все евреи арабских стран переселились в Израиль, во Францию, Испанию, Канаду, в некоторые латиноамериканские государства. Еврейско-арабский язык вытесняется ивритом, французским, испанским. Небольшие группы евреев живут до сих пор в Марокко, Тунисе и Йемене. Об их языковом поведении ничего не известно. Можно предположить, что в Тунисе, в последнем традиционном еврейском поселении на острове Джерба, продолжает сохраняться еврейско-тунисский арабский язык. То же относится и к весьма немногочисленным остаткам йеменского еврейства, сохраня-

ющим обособленность от мусульманского окружения. Что же касается Марокко, то там, вероятнее всего, евреи ассимилируются в арабской языковой среде в крупных городах, а также переходят на французский и испанский языки.

Североафриканский диалект ладино, насколько можно понять из общения с его носителями, сохранившимися в Израиле, во второй половине XX в. был поглощен испанским, официальным языком в бывшем Испанском Марокко и Танжере. До переселения основной массы марокканских и тунисских евреев в Израиль жудео-араб был распространенным письменным языком, обслуживавшим в том числе и светские стороны еврейской жизни в этих странах.

На персидской основе сложились разнообразные еврейские языки в Иране, Центральной Азии и на Кавказе. Почти все они сохранились до наших дней, хотя в последние десятилетия также находятся в кризисном состоянии — количество носителей этих языков стало стремительно сокращаться, вытесняясь как нормативным фарси в Иране, так и русским, английским и ивритом в местах их сегодняшнего расселения.

Из иранско-еврейских языков наиболее известны еврейско-татский *джухури*, язык горских евреев Азербайджана и Северного Кавказа; еврейско-таджикский, язык бухарских евреев, большинство которых переселилось в последнее десятилетие из Центральной Азии в США, Израиль и Австрию, и язык *джиди*, на котором говорит сохранившееся до сих пор 15-тысячное еврейское население Исламской республики Иран. Джухури, известный также просто под названием татского, имеет письменность на кириллической основе, функционировавшую преимущественно в светской сфере. В советский период этот язык рассматривался официальной пропагандой как язык некоего сконструированного единого татского народа, якобы не имевшего никого отношения к евреям. Сегодня, наверное, именно джухури остается наиболее устойчивым и развитым из всех еврейских языков. Однако широкая миграция горских евреев из мест традиционного проживания в крупные города России, Израиль, США, Канаду, Германию создает серьезную угрозу его выживанию.

Кроме перечисленных языков, существовали также немногочисленные еврейские этнолекты различных языков, среди носителей которых на протяжении веков жили различные еврейские этнические группы. Таковы еврейско-крым-

ско-татарский, бытовавший среди крымчаков; тюркский караимский язык среди восточноевропейских караимов; еврейско-грузинский среди грузинских евреев; еврейско-берберский в Атласских горах Марокко. Сейчас все они или исчезли, или близки к исчезновению. Вполне вероятно, что в прошлом число таких этнолектов было более значительным, но до нас не дошли сведения о них или же известен только сам факт их существования. Примером является диалект кушитского языка *агау*, на котором говорили предки бета-исраэль, эфиопских евреев, известных также под пейоративным названием *фалашей*. Сегодня все они перешли на амхарский, официальный язык Эфиопии, или семитский *тигре*, распространенный в местах их традиционного проживания. Большинство бета-исраэль в настоящее время проживают в Израиле, где молодое поколение переходит на современный иврит.

Практически ничего не известно о языках евреев Индии. Там с раннего средневековья существовали две отличные друг от друга еврейские этнические общности. Первая из них, сохранившаяся до сих пор, известна под названием бени-исраэль. По их собственной устной традиции, они представляют собой потомков евреев, спасавшихся или от ассирийских завоевателей в VIII в. до н. э., или от преследований сасанидских правителей. Легендарные основатели общины потерпели кораблекрушение у берегов Малабара и обосновались в районе нынешнего Бомбея, где сегодня обитает большая часть этой общины¹⁷. Родным языком бени-исраэль считают маратхи, вернее, один из диалектов этого языка, *конкани*, распространенный на морском побережье Махараштры. По переписи 1991 г., его обозначили в качестве родного 81% всех бени-исраэль¹⁸. Никаких исследований языковой специфики маратхи в еврейском употреблении мне неизвестно, поэтому трудно сказать, идет ли речь просто о бытовании стандартного конкани или о существовании какого-то особого еврейско-маратхского этнолекта.

Столь же неясна и лингвистическая ситуация у второй еврейской этнической общности в Индии — кочинских евреев, населявших с раннего средневековья, если не раньше, южную часть малабарского побережья в районе сегодняшнего штата Керала. Сейчас почти все они переселились в Израиль, в Кочине осталось несколько семей, охраняющих знаменитую

средневековую синагогу Парадеси в этом городе. До переселения кочинские евреи говорили на дравидском языке малаялам.

Как и в случае с бени-исраэль, нет никаких материалов, позволяющих судить о том, насколько специфичен был этот язык в еврейской среде. Один из моих информантов в ответ на вопрос о существовании особого еврейского варианта малаялам, ответил, что малаялам, на котором говорили кочинские евреи, был гораздо лучше и чище, чем язык коренного индуистского населения штата. Но это замечание можно трактовать либо как указание на существование этнолекта, который, по мнению носителей, был «лучше» стандартного языка, либо на то, что еврейская интеллигенция пользовалась высокой литературной формой языка. Напомним для сравнения, как гордилась русско-еврейская интеллигенция правильным литературным русским языком, усвоенным в процессе аккультурации конца XIX — начала XX вв.

Список «потенциальных» еврейских языков, т. е. идиомов, которые вполне могли представлять собой еврейские языки, но о которых у нас нет никаких данных из-за отсутствия исследований или потому, что языки эти исчезли, можно продолжить. Так, мы ничего не знаем о языковой ситуации у ассимилировавшейся в китайской среде этнической группы кайфынских евреев. Известно лишь, что они уже в средневековье пользовались китайским языком и китайской письменностью¹⁹. Однако, как свидетельствуют коллекции текстов кайфынских евреев, хранящиеся в собрании Hebrew Union College в Цинциннати, еврейское письмо было еще в ходу в конце XIX в. Уже невозможно установить, существовал ли еврейско-китайский этнолект. Сейчас потомки этой группы говорят на стандартном *путунхуа*.

Конечно, самым известным из еврейских языков справедливо считается идиш, еврейско-немецкий язык ашкеназских евреев. До начала второй мировой войны на нем говорило около 10 млн. евреев Восточной и Центральной Европы — от Эльзаса на Западе до России на востоке. После трагических событий Холокоста и радикальных социальных и политических перемен второй половины прошлого века, обычный разговорный идиш постепенно исчезает. Потомки тех, кто говорил на идише (оставшиеся в пределах бывшего Советского Союза) сегодня преимущественно русскоязычны или же, в результате массовой миграционной волны, накрывшей аш-

кеназских евреев в конце XX в., ассимилируются в ивритской, английской и немецкой языковых средах. Следует упомянуть, впрочем, и некоторое количество евреев-ашкеназов, говорящих на языках стран, где они живут, таких как литовский, латышский, эстонский, украинский и др.

Попытка сторонников идиша превратить его из «еврейского языка» в национальный язык еврейского народа, предпринятая несколькими поколениями еврейской интеллигенции в последней трети XIX — первой трети XX в., потерпела поражение. Причиной стал Холокост и послевоенная политика государственного антисемитизма в СССР. Сегодня идиш остается живым только в ультраортодоксальной хасидской среде в США и Израиле. Число говорящих на нем, как на «еврейском языке», оценивается сегодня примерно в 300–400 тыс. человек. Количество же тех, для которых идиш — единственный язык, практически стремится к нулю.

На протяжении прошлого века в рамках еврейской интерлингвистики сложилась более или менее общепринятая концепция истории идиша. В наиболее четком виде она изложена в знаменитой работе М. Вайнрайха, выше уже неоднократно нами упомянутой. Согласно этой концепции, еврейско-немецкий язык складывается в последние века I тыс. н. э. в центральной части Рейнского бассейна, в районе сегодняшних городов Майнц, Вормс и Шпейер, которые в еврейской исторической традиции известны под акронимом ШУМ и воспринимаются как «малая родина» ашкеназов. Субстратом раннего идиша были западный и в меньшей мере южный лоззы. Оттуда идиш распространился вначале на немецкую зону Подунавья, где Регенсбург фигурирует в числе наиболее ранних еврейских поселений Центральной Европы.

Затем, с XIII–XIV вв., но особенно интенсивно с XV в., идиш проникает в славяноязычную зону Восточной Европы, где он впитывает в себя славянский адстрат и к XVII в. окончательно ассимилирует еврейско-славянские «кенаанские» языки в Чехии и на территории современных Украины и Белоруссии. С того времени идиш делится на две диалектные группы, западную и восточную.

Западная, распространенная в Центральной Европе, подразделялась на несколько говоров, в том числе голландский и эльзасский, которые сохранялись еще в первой половине XX в. Восточная диалектная группа состояла из литвакского говора

(современная Литва и Белоруссия), польского и украинско-бессарабского. Промежуточным между восточной и западной группой считался венгерский диалект идиша. Западный идиш стал клониться к упадку еще в XIX в. вследствие процесса еврейской эмансипации, приведшего к распаду сегрегированной еврейской социальной структуры. Восточный идиш дожил до наших дней, хотя Холокост и нанес ему смертельный удар. Сегодня идишем в какой-то мере владеет еще старшее поколение евреев Украины, Литвы, Молдавии, Румынии, в меньшей мере России, Польши, Словакии, Хорватии, США, Аргентины, Израиля. За пределами ультраортодоксального сообщества идиш ни для кого более не является родным языком, т. е. языком, на котором ребенок начинает говорить в детстве.

В последние десятилетия описанная хрестоматийная концепция возникновения и развития идиша стала подвергаться критике. В ее основе лежали, главным образом, экстралингвистические соображения, в первую очередь, необычайный демографический рост еврейского населения Польши в период XVI — первой половины XVII вв. Это заставило ряд авторов искать иные причины данного явления, кроме миграции евреев из Германии в Речь Посполитую. Частью таких поисков стала так называемая хазарская версия, в наиболее законченном виде сформулированная известным писателем А. Кёстнером в 1976 г.²⁰ Автор, который не был ни лингвистом, ни историком, предположил, что ашкеназы в большинстве своем являются физическими потомками не немецких евреев раннего средневековья, в свою очередь восходивших к древним евреям античной Иудеи, а иудаизированных хазар, живших в Восточной Европе в VIII—X вв. Некоторые элементы этой теории подхватил израильский лингвист П. Векслер, разработавший парадоксальную и мало кем принятую концепцию о происхождении ашкеназов от раннесредневековых славян-прозелитов, говоривших на верхнелужицком языке. Согласно этой концепции, идиш представляет собой славянский язык, релексифицировавший свой словарный запас в германские и семитские лексемы²¹.

Из представленного нами краткого обзора становится очевидно, что еврейские языки — как один из наиболее характерных признаков еврейской цивилизации, как вербальная форма коммуникации внутри еврейских сообществ в диглоссии с ме-

таязыком цивилизации лашон-акодеш, наконец, как особая типологическая единица, сближающаяся по ряду характеристик с пиджин-креольскими языками, подошли к концу своего развития. Повсеместно число их носителей резко снижается, количество людей, которые владеют только еврейским языком, стремится к нулю. Основная причина — выведенная М. Вайнрайхом закономерность о привязанности еврейского языка к социальной структуре типа ДАШ. Согласно этому правилу, разрушение традиционной еврейской общины неизбежно ведет к исчезновению еврейского языка. Действительно, дисперсная система расселения, отсутствие территориально компактных еврейских поселений в любой форме — гетто, квартала, махалли, местечка и т. п., обязательно приводит к ликвидации той самой обособленности, прежде всего, коммуникативной, которая и создает основу функционирования еврейского языка.

В начале XIX в. вся Центральная Европа находилась под влиянием идей французской революции. Повсеместно шел процесс намеренного уничтожения всех порождений «старого режима». Еврейское гетто, еврейская обособленность и бесправие были одним из вопиющих примеров пережитков феодализма. Большая часть евреев Германии и Франции активно требовала гражданских прав и уничтожения гетто, которые стали восприниматься уже как национальный позор, а не как привилегия жить своей жизнью.

Гетто перестали существовать к середине XIX в. и, соответственно, евреи влились в государственную и общественную жизнь своих стран, обладая в большей части случаев полнотой гражданских прав. Исчезла еврейская обособленность и вместе с ней, вполне закономерно, из Германии исчез и еврейский язык идиш, зародившийся на этой земле примерно тысячелетием ранее. Для него просто не оказалось места в новой еврейской жизни. Если евреи стали считать себя «немцами Моисеева закона», то их национальным языком, естественно, должен быть стать немецкий. Языком их религии мог быть только лашон-акодеш, а идиш вполне логично был заклеямен самими евреями как отвратительный жаргон, от которого надо скорее отказаться. Западный идиш, таким образом, оказался обреченным еще в XIX в. и тогда же исчез с территории Центральной Европы. Немецкие евреи заговорили на литературном немецком, *Nochdeutsch*, и тем самым положили начало совершенно

новому социолингвистическому явлению — переходу евреев с еврейских языков на языки стран, в которых они проживают. Таким образом, исчезла языковая специфика — важный элемент этнической обособленности евреев, сопровождавший их на протяжении всей истории еврейской цивилизации.

В то же время, идиш существовал еще более века после описанных событий к востоку от Германии, на территории Российской империи; Галиции, входившей тогда в Австро-Венгрию, и Румынии. Гаскала не затронула эти обширные районы, на которых в то время проживала бóльшая часть евреев мира.

Россия, как известно, выиграла войну с Наполеоном и тем самым оградила себя от широкого проникновения европейского либерализма или, по крайней мере, отсрочила его проникновение на целый век. Подавление декабрьского восстания 1825 г. служило хорошим предупреждением тем, кто хотел бы видеть в России политическую эволюцию западноевропейского типа. Соответственно, сохранилась в неприкосновенности и черта еврейской оседлости с присущей ей специфической архаической системой местечковой социальной организации. Влиятельные фундаменталистские круги в еврействе в лице основателя любавичского хасидизма раввина Шнеура-Залмана из Лядов призвали евреи встать на защиту России от Наполеона. Основной причиной такого необычного призыва, если учесть, что евреи вошли в состав России всего лишь за пару десятков лет до того и не питали никакой особой привязанности к захватившему их земли государству, следует считать небезосновательные опасения перед гаскалой. Таким образом, под эгидой русской короны существование системы ДАШ в Восточной Европе продлилось примерно на век.

В Россию гаскала пришла с большим опозданием и, вполне логично, совпала по времени с эпохой великих реформ Александра II. Евреи стали массами бежать из местечка и отходить от традиционных ортодоксальных рамок иудаизма. Однако в России господствовала принципиально иная политическая философия, чем на Западе. Мир и страна представлялись жителям страны жестко разделенными на различные национальности или этноконфессиональные группы, что исключало образование «национальных» общностей надэтнического характера. Термин «россияне», отличный от этнических русских, появился в русском языке вообще лишь в период гор-

бачевской перестройки в конце XX в. В XIX в. евреи не могли объявить себя, как бы ни хотели этого, «русскими Моисеева закона», потому что сами русские не были готовы включить их в свои ряды в таком качестве. Поэтому этническое развитие российских евреев пошло иным путем, нежели на Западе — они стали осознавать себя в качестве народа, или нации. А раз так, то при сохранении лашон-акодеш языком религии их национальным языком, естественно, становился знакомый всем идиш.

Если еврейский язык, как специфическое социолингвистическое явление, привязан к социальной системе ДАШ, то этого нельзя сказать о национальном языке евреев, каким бы он ни был. В нескольких случаях на протяжении последних полутора столетий еврейские языки не исчезали вместе с разложением системы ДАШ, а превращались в то, что можно назвать **национальными языками** евреев отдельных регионов. В какой-то степени этот процесс можно уподобить процессу креолизации пиджинов, при котором они теряют целый ряд лингвистических и социолингвистических признаков, в том числе пейоративность и ненормированность. Первым такую эволюцию проделал идиш в Восточной Европе. Этот процесс совпал вполне естественно с началом гаскалы российского еврейства в середине XIX в. Он выразился в резком изменении функций идиша.

Язык не просто перестал быть терпимым жаргоном, не просто потерял свой женский или домашний характер. Он вышел из состояния диглоссии с МЯЦ и стал активно осваивать сферы, которые раньше обслуживались только лашон-акодеш. Появляется блестящая плеяда светских писателей на идише, которую открывает М. Мохер-Сфорим (1835—1917) и завершает И. Башевис-Зингер (1904—1981). Возникает литература, которая быстро приводит к появлению литературной нормы и активному развитию стандартизированной орфографии. Идиш проникает во все сферы жизни — в прессу, образование, документацию, искусство, политическую и общественную жизнь.

В 1908 г. Черновицкая конференция по идишу провозглашает идиш «еврейским национальным языком» и национальным достоянием еврейского народа. Термин «жаргон» заменяется в русском языке на новый лингвоним «идиш», который ни коим образом не пейоративен. Этим открывается долгий спор между «гебраистами» и «идишистами» о том, какой язык станет

в конечном счете языком «еврейской нации». Идиш не просто претендует на такой статус, но и опирается на огромную массу носителей в Восточной Европе, для которых этот язык действительно становится основным не только дома, но и на улице. Советское правительство в 1920-х гг. провозглашает идиш языком «трудящихся масс», противопоставляя его «реакционному и клерикальному» ивриту, находящемуся на службе буржуазии. На какое-то короткое время идиш становится баловнем судьбы; он пользуется широкой государственной поддержкой в СССР и продолжает стремительно развиваться по пути секуляризации и становления национального языка в так называемых лимитрофных государствах межвоенного периода — Польше, Литве, Румынии и др. Процесс этот, однако, был прерван второй мировой войной и Холокостом, уничтожившим восточноевропейское еврейство, основную часть носителей идиша. После войны идиш не смог восстановиться в качестве национального языка еврейского меньшинства Восточной Европы из-за политики государственного антисемитизма в Советском Союзе и зависимых от него государствах.

Аналогичные процессы проходили и в других частях еврейского мира. Отметим здесь упомянутый выше пример с ладино, или джудезмо на Балканах, с языком жудео-араб в Тунисе и Марокко, с татским языком на Кавказе и несколько похожих ситуаций в других частях еврейского мира. Везде попытки превратить еврейский язык в национальный язык какой-то части еврейского народа потерпели фиаско, чаще всего в силу внешних трагических причин — Холокоста и антисемитизма. Языковая перспектива еврейства стала развиваться по сценарию, в реалистичность которого не верил почти никто в момент его возникновения — победила сионистская идея возрождения иврита (на котором, как на МЯЦ, в то время не говорил никто) в еще не существовавшем тогда еврейском государстве на Земле Израиля.

Идиш тем самым оказался обреченным на исчезновение. Так оно и произошло. Сейчас светский «национальный» идиш практически исчез. На нем теплится какая-то активность в последних остатках еврейских социалистических кругов в США, Аргентине, Южной Африке и Австралии. На нем еще продолжают говорить, если есть для того социальные условия и соответствующая среда, последние старые носители на Украине, в Молдавии или Литве. Его изучают в университетах и круж-

ках, кое-где в школах, как язык большой культуры и пронзительной ностальгии для потомков тех, кто когда-то считал его родным языком. И все-таки идиш полностью не исчез. Он не смог стать еврейским национальным языком, но продолжает функционировать как еврейский язык в той среде, которая максимально приближена к структуре ДАШ — в среде ультраортодоксов-хасидов в Израиле, США, Западной Европе. Идиш продолжает быть родным языком для нескольких сотен тысяч жителей этих стран. Он находится, как и положено еврейскому языку, в состоянии диглоссии с лашон-акодеш. Он используется как язык устной коммуникации в семье и в доме, а также как язык образования в школах для девочек. Хасиды, говорящие на идише, не знают и не хотят знать, кто такие Шолом-Алейхем или И.-Л. Перец — имена, которыми так гордилась идишская культура всего несколько десятилетий тому назад. Их не волнует борьба гебраистов с идишистами, ушедшая в прошлое; роль идиша как языка «трудящихся масс» и все прочие проблемы, сотрясавшие маленькую политику еврейского мира в начале XX в. Они живут, как жили их предки, в атмосфере еврейского языка, на котором можно сказать все, что неудобно произнести на языке общения со Всевышним. Идиш более не является предметом особой гордости, но им перестали откровенно пренебрегать. В этой среде его воспринимают как национальное достояние и ценят в качестве элемента еврейской национальной жизни, пусть не самого важного. Подобное теплое отношение к идишу проявилось впервые как часть противостояния гаскале еще в обскурантистских кругах знаменитого противника еврейской эмансипации, братиславского раввина Х. Сойфера (1763—1869).

* * *

Суммируя все написанное выше, мы можем попытаться представить себе социолингвистическую эволюцию еврейства следующим образом. В конце II тыс. до н. э. в Израиле формируется новая этническая общность евреев на базе западно-семитского ханаанского языка, почти идентичного финикийскому и окружающим его диалектам — таким, как моавский, амонский и пр. В начале I тыс. до н. э. этот язык получает на-

звание иудейского (*yəhudit*) и становится этническим языком древнееврейского народа.

Вавилонское пленение VI в. до н. э. кладет начало образованию еврейской диаспоры, в которой возникают своеобразные «еврейские языки», первоначально арамейский в персидской зоне влияния и греческий — в эллинистической. В первой половине I тыс. н. э. исчезает старый этнический центр в Земле Израиля, и древнееврейский этнос дает начало особой дисперсной диаспорной еврейской цивилизации, где иврит (*lašon haqqodeš*) становится метаязыком цивилизации, а функция вербальной коммуникации осуществляется еврейскими языками. Последние, относясь к самым различным семьям, обладают, тем не менее, типологическим сходством и представляют собой, наряду с пиджин-креольскими языками, пример контактных языков.

Диглоссия «лашон-акодеш — еврейские языки» представляет собой основную социолингвистическую модель функционирования еврейской цивилизации вплоть до XIX в. Внутренние социальные изменения, вызванные гаскалой, приводят к изменению этой модели. Распад традиционной еврейской социальной организации (типа ДАШ) способствует исчезновению еврейских языков и замене их на языки государств, в которых проживают евреи. Современная еврейская диаспора почти вся говорит сегодня на государственных языках стран пребывания. Иврит в диаспоре также изменяет свой характер и из метаязыка цивилизации становится мертвым языком религии. В некоторых случаях на протяжении XIX—XX вв., в частности, в России, в Греции и Турции, а также в странах Магриба, наметилась тенденция к трансформации соответствующих еврейских языков в национальные языки еврейских этнотерриториальных общностей, однако нигде этот процесс не смог реализоваться до конца. Иврит превратился в XX в. из метаязыка цивилизации в этнический язык новой национальной общности — израильтян.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Wexler P.* Jewish Interlinguistics: Facts & Conceptual Framework // *Language*. Haarlem, 1981. Vol. 57. P. 99—149; *Fishman J. A.* Post-Exilic Jewish Languages and Pidgins/Creoles: Two Mutually Clarifying Perspectives // *Reinecke Memorial Volume*. Ed. by G. G. Gilbert. Ann Arbor, Karoma, 1984; *Fishman J. A.* The Sociology of Jewish Languages from a General Sociolinguistic Point of View // *Readings in the Sociology of Jewish Languages*. Ed. by J. Fishman. Leiden, Brill, 1985.

- ² *Weinreich M.* History of the Yiddish Language. Transl. by Sh. Noble with the assistance of J. A. Fishman. Chicago—L., University of Chicago Press, 1980. P. 166—169.
- ³ См.: *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. М., 2001. С. 144.
- ⁴ См.: Еврейский мир. Литературный сборник. М., 1918.
- ⁵ *Weinstein M.* Yiddish. A Nation of Words. N. Y., Ballantine Books, 2001. P. 23—24.
- ⁶ *Weinreich M.* History of the Yiddish Language... P. 175—246.
- ⁷ См.: *Членов М. А.* Типология еврейских самоидентификаций в современном мире // Проблемы существования в диаспоре. Минск, 2001. С. 32—35.
- ⁸ *Weinreich M.* History of the Yiddish Language... P. 177.
- ⁹ *Lazard G.* The Dialectology of Judeo-Persian // PADYAVAND. Costa Mesa, The Hebrew University of Jerusalem, 1996. Vol. 1. Ed. by A. Netzer. P. 46.
- ¹⁰ Тора. Иерусалим, 1975; Пророки. Иерусалим, 1978; Агиографы (Ктувим). Иерусалим, 1978.
- ¹¹ *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.
- ¹² *Крунник И. И., Куповецкий М. С.* Лахлухи — курдистанские евреи в СССР // Советская этнография. М., 1988. № 2.
- ¹³ *Бикерман Э. Дж.* Евреи в эпоху эллинизма. М.—Иерусалим, 2000.
- ²⁴ *Хазанов А. М.* Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1994. № 1 (5).
- ¹⁵ *Jochnowitz G.* Judeo-Romance Languages // Jewish Languages. Theme and Variations. Proceedings of Regional Conferences of the Association for Jewish Studies Held at the University of Michigan and New York University in March-April 1975. Ed. by H. H. Paper. Cambridge (Mass.), Association for Jewish Studies, 1978.
- ¹⁶ *Гаркави А.* О языке евреев, живших в древнее время на Руси. СПб., 1865; *он же.* Гаиегудим усефат гаславим. Вильна, 1867 (иврит); *Торпусман А. Н.* Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя — этнос — история. М., 1989.
- ¹⁷ *Strizower Sh.* The Bene Israel of Bombay. N. Y., 1971.
- ¹⁸ *Bhende A. A., Jhirad R. E.* Demographic and Socio-Economic Characteristics of Jews in India. Mumbai, 1997. P. 20.
- ¹⁹ *Шануро С.* Бней Израэль басин аатика. Тель-Авив, 1987 (иврит). С. 221.
- ²⁰ *Koestner A.* The Thirteenth Tribe. N. Y., 1976.
- ²¹ *Wexler P.* Two-Tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polesian Dialect. Berlin—N. Y., 2002 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 136). См. также рецензию М. А. Членова на данную работу в: Вопросы языкознания. М., 2003. № 3 (в печати).